

ІСТОРИОГРАФІЯ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

УДК 930 (100) (075.8)

А. Г. Болебрух

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

НУЖНА ЛИ НАМ ИСТОРИЯ?

Розглянуто проблеми відносин між історичною наукою та сучасним суспільством.

Ключові слова: історична наука, суспільство, відносини, дискусія.

Рассмотрены проблемы отношений между исторической наукой и современным обществом.

Ключевые слова: историческая наука, общество, отношения, дискусия.

The article shows the problems of relations between the historical science and the contemporary society.

Key words: historical science, society, relations, discussion.

Примерно с середины XX в. обозначился острый хронологический разрыв между состоянием гражданского общества (как зарубежного, так и отечественного, разница – в степени проявления качества) и ситуацией в исторической науке. Общество после второй мировой войны, которая своим бесчеловечием буквально потрясла массовое сознание, было перекинуто в иное бытийное пространство с иной системой ценностей и духовных ориентаций. Пространство оказалось настолько трудным для освоения, что попавшие по воле судьбы туда очень нуждались в объяснении того, что с ними произошло и где они оказались.

Первыми на эту жгучую социальную потребность откликнулись «по зову сердца» писатели. В художественной литературе это разочарование в прежних идеалах талантливо отразили Э. Хемингуэй, Д. Стейнбек, Э. Ремарк, Г. Белль, Б. Пастернак, К. Симонов, Б. Окуджава, В. Высоцкий, В. Дудинцев, А. Ахматова и др. Но не задача художников слова найти выход из крайне затруднительного положения. Их цель – по возможности точно обозначить симптомы общественно-недуга, эмоционально пережить с народом выпавшие на его долю испытания.

Выяснить подлинные причины того, что совершилось, призвана была историческая наука, ведь ее сфера – прошлое, в котором скрыты истоки современных событий. Но историку проще выполнять свою миссию при спокойном, эволюционном движении общественной жизни. На крутом же ее повороте во второй половине XX в., когда произошел «сдвиг эпохи», подобный сдвигам «земных пластов» (В. Губайдулин), перед историей возникли задачи грандиозной сложности. Быстро их разрешить было невозможно: требовался коренной пересмотр, во-первых, прежних концепций отечественного и всемирного прошлого, а, во-вторых, – традиционных методов исторического познания. Кроме того, от историков (при помощи философов, социологов, политологов и т. д.) ожидали хотя бы гипотетических соображений о возможном образе будущего.

Постепенно, после определенной подготовительной работы, потребовавшей изрядной доли самокритики, историки сумели провести анализ прежних оценок минувшего. Открывшаяся картина пройденного человечеством пути не могла подпитать даже скромный социальный оптимизм и развеять туман в отношении грядущего. А потому исследовательский поиск ученых смещался в сторону эпистемологических приемов исторического познания в надежде отыскать скрытые закономерности исторического процесса. Знаменитая французская «Школа Анналов» в первые послевоенные десятилетия завоевала широкое признание в научной среде именно такими разработками.

Однако с 1970–1980-х гг. быстрыми темпами начали распространяться авангардистские течения, получившие общее название «постмодернизм». Его представители, несмотря на своеобразие позиций, сходились в скептическом отношении к достоверности исторического знания. Крайним выражением постмодернистского восприятия исторической науки является убеждение в ее неспособности познать истину, воспроизвести реальную картину событий прошлого [3, с. 12]. Более того, постмодернисты и их единомышленники стали утверждать, что истины как таковой нет, что существует плюрализм истин, что выводы, содержащиеся в исторических трудах, носят относительный характер, что вообще исторические сочинения – это разновидность беллетристики.

В противовес авангардистскому скепсису развивалось и все более крепло направление, целью которого была существенная трансформация исследовательских методов, обновление их «набора» в процессе конкретного познания прошлого. Положение, сложившееся в историографии, рассматривали М. А. Барг, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман, Б. Г. Могильницкий, Л. П. Репина, А. Л. Ястребицкая и др., но почти не затрагивали проблему социальной миссии истории. Правда, в новейшей монографии [4, с. 9–24] Л. П. Репина уделила этому сюжету достойное место.

Тем не менее, сфера «охвата» исследователей, особенно молодых, постмодернистскими подходами и положениями не уменьшается, а главное – между их приверженцами и сторонниками научного статуса истории плодотворный обмен мнениями, увы!, не налаживается. В итоге историческая наука, к сожалению, в немалой степени утрачивает так необходимое ей общественное признание как научной отрасли, призванной способствовать осмыслению причинно-следственных связей в неразрывной цепи прошлого – настоящего – будущего.

В такой ситуации проведение редколлегией журнала «Вопросы философии» круглого стола на тему: **«Знание о прошлом в современной культуре»** нельзя не признать в высшей степени актуальным. Участники (11 чел.) представляли разные точки зрения, но все сходились в понимании необходимости поднять престиж научно-исторических исследований. Во вступительных замечаниях редколлегия обосновала своевременность данного диспута: «Методологические проблемы исторического исследования – одна из наиболее дискуссионных тем современного познания. Сведение истории к нарративу, широкое распространение конструктивистских установок повлекли за собой релятивизацию знания о прошлом. Получили широкое распространение идеи конца истории, выхода из истории. Целью конференции было прояснить возможные позиции по ряду ключевых методологических походов к оценке исторического знания и способов исторического познания...» [2, с. 3–45].

Обсуждение открыл *В. А. Лекторский* (Институт философии, РАН), который обозначил три комплекса вопросов, касающихся гносеологии и социального предназначения исторической науки. Во-первых, это вопрос о том, нужна ли современному человеку история и в каком качестве; во-вторых, возможно ли при нынешней методологической и методической оснащенности достоверное научное знание о прошлом; и в-третьих, способны ли точные (логические, матема-

тические) методы обеспечить верификацию выводов исторического исследования. Если две последние проблемы затрагивают эпистемологический и инструментальный уровни исследовательской практики, то первая – место и роль исторических знаний в мировоззрении современного человека.

Какова же семантика новейшего понимания термина «мировоззрение»? Т. И. Ойзерман предложил такую трактовку: «Мировоззрение – систематическое единство многообразия обобщенных, непосредственно связанных с осознаваемыми интересами людей, убеждений относительно сущности природных или социальных явлений или же их совокупности» [5, с. 515]. Историческое знание, собственно, как важная составная часть мировоззрения, и способствует более глубокому осмыслению социальных явлений. М. Блок писал, что именно история «признается необходимой для полного развития homo sapiens..., любая наука будет казаться нам неполноценной, если она рано или поздно не поможет нам жить лучше. Как же не испытывать этого чувства с особой силой в отношении истории, чье назначение, казалось бы, тем паче состоит в том, чтобы работать на пользу человека, раз ее предмет – человек и его действия?» [1, с. 9, 10–11].

Действительно, во все века история сохраняла важное общественное значение, но также несомненно, что видоизменялась ее миссия под воздействием, во-первых, социальных запросов, во-вторых – внутренних эволюционных механизмов научного познания прошлого. В XXI же столетии, по словам В. А. Лекторского, возникло ощущение, что «складывающийся в мире тип культуры не нуждается в серьезном историческом знании».

Многие (пожалуй, большинство) участники круглого стола согласны с мнением М. Блока о социальной роли истории. Так, А. Н. Медушевский (журнал «Российская история») считает целью исторической науки «выявление новой информации о феномене человека и человечества, жизненно необходимой ему для определения перспектив своего места во вселенной, своей судьбы и путей выживания». Несколько ниже он выразил уверенность, что со временем историческая наука возвратит себе давно и заслуженно обретенную функцию учительницы жизни (*Historia est magistra vitae*).

Иную грань той же мысли отметил Г. Г. Малинецкий (Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша, РАН): «...без истории у нас теряются системообразующие сущности. Мы позиционируем себя в отношении конкретных событий, в отношении неких персонажей. По сути, это система отсчета в социальном пространстве». Фактически выступавший вел речь о том, что исторический компонент социального мировосприятия способствует человеку стать сознательным гражданином и считать окружающую действительность продуктом предшествующего исторического развития. Правда, Г. Г. Малинецкий не уточнял механизм возникновения настоящего из прошлого, да и несправедливо было бы требовать от него то, что в науке не выяснено до сих пор (кроме, пожалуй, хронологической последовательности).

Ценные соображения о важности исторической науки для нашей эпохи высказал Б. И. Пружинин (журнал «Вопросы философии»). Если человек, говорил он, считает себя по культурным предпочтениям европейцем, то ему будет чрезвычайно сложно обойтись в интеллектуальной и практической жизни без научного знания о прошлом. Научные знания, подчеркнул Б. И. Пружинин, это «форма сохранения и трансляции культурного опыта», которая играет «весьма существенную роль в самоидентификации и консолидации обществ, в которых человек живет».

Практическое значение историческая наука приобрела в Европе, однако, сравнительно недавно, что, безусловно, свидетельствует о достижениях общественного развития на континенте. Для обществ иного типа цивилизации, подчеркнул Б. И. Пружинин, которые характеризуются стабильностью, которые ты-

сячелеттями не меняются, история как наука не нужна, ибо им для привычного существования более приемлемо мифологическое восприятие прошлого. Воспитательную функцию в таких социумах выполняет «не история как наука, а история как традиция». Динамичная же культура современной Европы нуждается в научном знании причин и следствий социального движения от прошлого к будущему через настоящее как неминувшей предпосылке его органичности. Хотя обитатели Европы и ощущают эту потребность «постольку, поскольку», тем не менее она проявляет себя подспудно при всяком непредвзятом анализе тех или иных неудач. Историческое знание как форма коллективной памяти, социальной мудрости и жизненного опыта и способно предупредить грубые ошибки или просчеты. Но эту функцию оно в состоянии выполнить при одном обязательном условии: «Научное историческое исследование, – утверждал *Б. И. Пружинин*, – предполагает хотя бы некоторую независимость историка от выполнения идеологически ориентированных социальных запросов... Ведь добытое исторической наукой знание влияет на формулирование «социального заказа», не дает ему полностью идеологизировать или мифологизировать историческую действительность. Социальный запрос может корректироваться именно под влиянием исторической науки как науки, нацеленной на объективность».

Именно это объективное, достоверное «историческое знание, знание о прошлом, опыт прошлого становится элементом планируемого рационального действия». Кроме того, «с недавних пор», по словам *Б. И. Пружинина*, появились возможности прогнозировать определенные социальные процессы при помощи исторического опыта (экологические, социальные, политико-экономические программы), но непременно – «достаточно точного и обязательно объективного знания», которое «вписывается в наши модели будущего» [1].

Мнение *Б. И. Пружинина* о прогностических возможностях исторической науки поддержал *Г. Г. Малинецкий*, напомнив, что в США, Германии, Франции, Индии и Китае уже существуют центры, занимающиеся всерьез моделированием истории. «И именно моделированием будущего, – сказал *Г. Г. Малинецкий*, – т.е. выяснением того, какие изменения в сегодняшнем дне могут изменить перспективу страны и мира через 20–30 лет». Прогнозы будущего на основе исторических исследований вызвали сомнения у *К. В. Хвостовой*. Отвечая ей, *Б. И. Пружинин* сообщил: «Есть достаточно обстоятельные и математически просчитанные исследования, каким образом регулировалась численность населения в средневековой Европе».

Оригинальный аргумент в пользу точности прогнозов историков привел *Г. Г. Малинецкий*; с изрядной долей юмора он заметил, что когда страна идет в будущее, «она строит Московский университет в тяжелые послевоенные годы. Или подземные дворцы метро в предвоенные годы. А когда переживает кризис, то в ней возводятся хоромы на Рублевке за четырехметровыми заборами».

Общественная роль исторической науки, совершенно понятно, во многом зависела от степени достоверности ее выводов и реальности картины прошлого. Поэтому на данном «круглом столе» немало внимания было уделено вопросу об исторической истине. Поиск истины свелся во многих выступлениях к обсуждению вопроса о качестве источниковой информации, степени ее соответствия реальности прошедшей эпохи, о надежности методики анализа свидетельств прошлого, о своеобразии выводов исторической науки в сравнении с выводами естествознания. Осознавая все сложности, возникающие перед учеными в ходе «добывания» достоверных знаний о минувшем времени, *В. А. Лекторский*, *А. Н. Медушевский*, *А. Л. Никифоров*, *Б. И. Пружинин* и др. доказывали обоснованность результатов исследований историков, высокий уровень их соответствия жизненной практике прошлого.

В ходе дискуссии выявились, однако, точки зрения, согласно которым историческое знание не может быть приравнено к естественнонаучному. Так, *К. В. Хвостова* обратила внимание присутствующих на то, что «сам исторический источник субъективен и отражает взгляды, интересы, предпочтения своего автора». В ответ *А. Н. Медушевский* привел следующие доводы: «Однако задача полноценного исследования состоит как раз в том, чтобы определить природу этой субъективности и тем самым ограничить ее пределы. В этой связи следует подчеркнуть различие таких понятий, как «интеллектуальный продукт» (в терминологии *А. Н. Медушевского*, «источник». – *А. Б.*) и «произведение» (т. е. «художественное произведение» или авторское сочинение без особого следования конкретным фактам. – *А. Б.*). Это близкие, но отнюдь не идентичные понятия». Объектом изучения в исторической науке, продолжал он, являются, конечно, «не какие-либо неопределенные единицы «дискурса» (которые невозможно установить и измерить), а целенаправленно созданные продукты интеллектуальной деятельности. Они представляют доступный непосредственному изучению реальный объект, который может стать предметом изучения, в том числе сравнительного и математического».

Аналогичные соображения изложил в своем выступлении *А. Л. Никифоров*: «История обладает своими методами установления истины – в этом отношении она похожа на любую другую науку. Верно, ее предмет ей непосредственно не дан, как он дан физику, химику или биологу. Историка дано не само прошлое, а лишь оставленные им следы в настоящем. Однако, изучая эти следы, он вполне способен создать правдивую картину прошлого. В конце концов, и физик судит о свойствах элементарных частиц по трекам в камере Вильсона, и астроном узнает о массах звезд по их гравитационному воздействию и т. д. Почему же этого не может делать историк?... У историка есть способы отсеять выдумки, предвзятые интерпретации и оценки, восстановить последовательность событий и т. д. Поэтому история способна дать более или менее истинную картину прошлого».

Тем не менее, представители естественных дисциплин и даже – исторической науки (например, *Г. Г. Малинецкий*, *В. К. Финн*, *К. В. Хвостова*) фактически не соглашались признать за историческим знанием статус научности, аналогичный естественнонаучному. В итоге на дискуссии возникла ситуация, когда ряд ее участников отрицал наличие исторической истины. *К. В. Хвостова*, в частности, ссылаясь на *Е. Топольского*, известного польского методолога, утверждала о существовании в исторических исследованиях плюралистичности истин: «Почему историческая истина должна совпадать с истиной в других науках? А дискуссии ведутся, в частности, по поводу понимания свидетельств источников, а также относительно содержания понятий современных исторических неформализованных концепций. Если бы существовала одна абсолютная истина, дискуссий бы не велось».

Понимание исторической истины в ходе полемики на «круглом столе» не отличалось определенностью и четкостью. В самом деле, никто из историков не может стать обладателем абсолютной истины по той или иной проблеме – результатом его личных исследований будет лишь приближение (более или менее близкое) к минувшей действительности «как она была в реальности». Поэтому следовало бы признать за историей право на выявление истинного знания, а речь вести о специфике этой истины. Такой определенности в выступлении *К. В. Хвостовой*, к сожалению, не было. Вследствие этого последовала критическая реакция *Д. Г. Лахути* (Российский государственный гуманитарный университет): «... если нет истины, в частности, исторической истины, то нет и лжи. Потому что ложь есть отклонение от истины. И тогда не имеет смысла вопрос о том, какое утверждение ближе к истине, дальше от истины... Тогда мы оказываемся в ситу-

ации чистой фейерабедовщины: anything goes, и нет никакой разницы между хронологией Фоменко и тем, чем занимаются серьезные историки...».

В. А. Лекторский после обмена мнениями по поводу исторической истины сказал: «Я считаю (как и многие другие философы), что истина говорит о том, что есть на самом деле. Если чего-то в действительности нет, то соответствующее высказывание не истинно, а ложно. Другой вопрос, каким способом можно истину добыть».

Тему об истине в истории несколько в ином ракурсе предложила рассмотреть *М. А. Кукарцева* (Дипломатическая академия МИД РФ): «Ключевой вопрос, который, я думаю, всех нас здесь соединил – а для чего мы вообще пишем историю? Для чего она вообще существует? Сюжетов как ответов на этот вопрос здесь, конечно, масса. Но один для меня совершенно очевиден: в любом случае мы делаем историю вовсе не для того, чтобы решать интеллектуальные головоломки о том, что такое прошлое и какие подходы к его решению могут быть предложены. По моему глубокому убеждению, история – не территория для упражнений в эпистемологии. Иначе нечто, что атрибутивно этой древней дисциплине, просто исчезнет в эпистемологических дебатах и размышлениях. Под этим «нечто» я имею в виду *экзистенциальные элементы истории*, без которых история превращается в однообразное тиканье часов». Подчеркивая нацеленность исторической мысли на осмысление реальной действительности, на необходимость разработки надежных способов отсеивания «кистинной информации от слухов и фрагментов информационных сгустков», *М. А. Кукарцева* отметила (не везде достаточно обоснованно) дисциплинарную неопределенность исторической науки, совпадение некоторых ее черт с художественной литературой («риторические модусы текста»). Но сделала это не с целью отрицания самостоятельности истории, как это декларировали некоторые постмодернисты, а для выявления нерешенных вопросов философии и методологии исторического познания.

Ссылаясь на американского ученого А. Такера [8], *М. А. Кукарцева* выделила такую особенность работы историка, как достижение надежности и точности знания о прошлом: «Акцент Такера на *объяснении* свидетельства (источника. – А. Б.) высвечивает эпистемологический аспект работы историка, его обязанность исследовать свидетельства не в меньшей мере, чем конструировать репрезентации прошлого, что позволяет провести черту между собственно историческим исследованием и мифотворчеством, пропагандой и коммеморацией (активизацией памяти. – А. Б.) и пр.».

В то же время *М. А. Кукарцева*, солидаризируясь с Ф. Анкерсмитом [6], обратила внимание аудитории на такое специфическое свойство исторического научного текста, как субъективность, имея в виду обусловленную временем и личным расположением ученого к тем или иным сюжетам их созвучность с ценностными приоритетами современности.

Думается, заслуживает серьезного внимания и мнение *М. А. Кукарцевой* о применимости к научно-историческому исследованию математического метода (теоремы, правила) Байеса, сутью которого является введение критерия «наибольшего правдоподобия».

Оценивая в целом материалы данного «круглого стола», необходимо признать их несомненную полезность для дальнейших дискуссий по поднятым там вопросам. Целый ряд высказанных участниками соображений имеет несомненную теоретическую ценность, а их развитие может оказаться плодотворным и привести к обогащению методологического арсенала отечественной историографии. В заключение следует сказать, что основной вектор обсуждения актуальных проблем современного исторического знания в редакции «Вопросов философии» совпал с отчетливо обозначившимися в зарубежной исторической науке тенденциями трактовки ее социальной роли и гносеологического предназначения. Отме-

ченний вектор ясно проявився в роботах американського ученого П. Стирнса [7]. Раскрывая содержание его концепции, Л. П. Репина пишет в новейшей монографии: «Поставив вопрос «Для чего изучать историю?» в своей одноименной публикации, известный американский историк Питер Стирнс дал следующий набор ответов: изучение истории помогает понимать людей, человеческий опыт и происхождение изменений в обществе, дает почву для размышлений по поводу морали и доставляет эстетическое наслаждение, создает условия для самоидентификации и делает нас гражданами, развивает способность анализировать и оценивать многообразные свидетельства и их различные интерпретации, расширяет эрудицию и кругозор. Суммируя эти частичные ответы, он выносит вердикт: *предоставляя доступ к лаборатории человеческого опыта, знание истории является источником инноваций*». Приведа эти мысли П. Стирнса, Л. П. Репина сопровождает их весьма примечательной оценкой: «Пожалуй, об общественной пользе исторической науки лучше и короче не скажешь» [4, с. 15–16]. Со своей стороны мы вполне согласны с этой оценкой.

Библиографические ссылки

1. **Блок М.** Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М., 1973.
2. Знание о прошлом в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – М., 2011. – № 8. – С. 3–45 (http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=Itemid=44).
3. **Копосов Н.** «Історія понять»: метод, дисципліна, наука / Н. Копосов // Ейдос. – К., 2011. – Вип. 5.
4. **Репина Л. П.** Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М., 2011.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М., 2009.
6. **Ankersmit F.** In Prise of Subjectivity? / Ankersmit F. // Historical Representation. – Stanford, 2004.
7. **Stearns Peter.** Why Study History? / Peter Stearns. – Washington, 2004.
8. **Tucker Avieser.** Our Knowledge of the Past: A Philosophy of Historiography / Avieser Tucker. – Cambridge – N.Y., 2004.

Надійшла до редколегії 12.11.2011

УДК 94(477):070

А. Г. Перетокін

Придніпровська державна академія будівництва та архітектури

МАТЕРІАЛИ ГАЛУЗЕВОЇ ПРЕСИ В ДОСЛІДЖЕННЯХ ПРОФЕСОРА ВОЛОДИМИРА КРУТІКОВА

Висвітлено проблему використання матеріалів галузевої преси як цінного джерела з економічної історії України в дослідженнях професора Володимира Крутікова.

Ключові слова: галузева преса, джерело історії, промисловий розвиток, економічна історія України, гірничо-металургійна галузь.

Освещена проблема использования материалов отраслевой прессы как ценного источника экономической истории Украины в исследованиях профессора Владимира Крутикова.

Ключевые слова: отраслевая пресса, источник истории, промышленное развитие, экономическая история Украины, горно-металлургическая отрасль.

© А. Г. Перетокін, 2012